

22 ИЮНЯ... By Anatoly Kanarsky

Константин Симонов.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.
А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит, ставит обелиски...

Я помню этот день, весь, с утра до вечера... Жизнь только начала устраиваться. На Дальнем Востоке мы жили в деревянном бараке- жилые нескольких командирских семей. На общей кухне, под столом в клетке жил енот, пойманный на охоте в тайге. Зимой 40- 41 мы провели в Стрельне - пригороде Ленинграда.

Мы и семья моего друга на всю жизнь Альки Мартынова занимали одну двухкомнатную квартиру. Когда дома не было взрослых мы устраивали танковые бои. Недавно еще закончилась война с финнами. Мы забирались под стулья, поднимали сиденья (как танковые люки) и гонялись друг за другом, непрерывно "стреляя ротом".

Весной 41 отца перевели в Павловск (тогда и до 1944 года- Слуцк.) Мы получили отдельную двухкомнатную квартиру на втором этаже трехэтажного дома, с балконом, напротив КПП военного городка, где отец служил зам. командира 24 гаубичного арт. полка, 24 танковой дивизии, 10 механизированного корпуса. Тогда еще только началось формирование тридцати новых МК.

Я уже побывал с отцом, мамой и семьей друга в Ленинграде. На Невском нас остановил патруль и сделал отцу замечание за то, что у него в руках была мамина большая сумка- помог. "Не положено". С красноармейцами из полка я побывал уже в парке и около дворца. Это очень близко от дома. Катались на лодке на речке.

В воскресенье 22 июня мы собирались после обеда пойти всей семьей в парк и дворец. А после завтрака отец собрался в часть- посмотреть, как устроились в летнем лагере его бойцы. Лагерь был недалеко, в поле за военным городком. Военный городок был еще царских времен, красные кирпичные казармы. И отец взял меня с собой.

На Дальнем Востоке он тоже брал меня в часть. Артиллерийский полк был еще на конской тяге, и отец сажал меня на коня. И вот мы обошли лагерь, отец все осмотрел, и мы шли по дорожке. Впереди у столба, на котором висело радио - большой квадратный ратруб, большая толпа бойцов, что-то слушают.

Навстречу нам бежит боец - посыльный из штаба. Подбежал, что-то тихо сказал отцу на ухо. Что-то очень серьезное. Началась война. Отец попросил бойца вывести меня за ворота части, а сам ушел. Через дорогу от части - наш дом. Около дома скамейка. Около скамейки мальчишки- школьники. Отлично помню- они очень были возмущены. "Да какое они (немцы) имеют право- у нас же договор!" Отец пришел домой только вечером. Принес и положил на мою кровать, автомат, диск и два рожка. Уже на следующий день части дивизии вышли в сторону Карельского перешейка. Прощаясь, отец сказал маме- " Не плачь, через два месяца поедем в Берлин, часы покупать".

Вряд ли так думал... И все. Потом их перебросили южнее Ленинграда, на Лужский оборонительный рубеж, где они 45 дней сдерживали наступление немцев на Ленинград. В сентябре отец получил новое звание- батальонный комиссар (майор).

Потом окружение. Выходили части в разные стороны.

Те, кто выходил в сторону Ленинграда, пробирались (там уже были немцы) недалеко от своих домов в Павловске. Артиллеристы выходили в сторону Москвы. Мы долго не знали где отец. Потом получили извещение - "Пропал без вести в октябре 1941г." Все у нас в октябре - я родился- 27, Боря- 21. Женя -27. Отец- пропал в октябре. Помню, как целый день криком плакала мама... Я многое помню. Помню сводки с фронта, как возвращались сибиряки в села, еще многое. День Победы не помню совсем! Ничего. Наверное, горечь утраты заслонила все и этот великий день...

Отец - 1941

